

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
19 (82)

ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ
(ДРЕВНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1969

СИМВОЛИКА КРАТКОСТИ—ДОЛГОТЫ В ОСНОВАХ СЕМИТСКИХ СПРЯГАЕМЫХ ФОРМ

Как известно, в центре видо-временной системы семитского глагола лежит противопоставление так называемых „спряжений“ краткой и долгой основ (тем). Обозначим эти основы условно --у- :: -а-а(а).¹

Противопоставление данных основ (тем) как „краткой“ („односложной“) и „долгой“ („полной“, „многосложной“) уже имеет место в семитологической литературе.² На наш взгляд, это противопоставление отражено не только в количестве (числе), но и в качестве гласных фонем (узкий = закрытый гласный в краткой основе :: широкий = открытый гласный в долгой [полной] основе).³

Попытку истолковать данное противопоставление как исконно символическое, т. е. найти его естественную связь со значением указанных форм, нам не приходится строить на полностью не разработанной почве. Несомненной точкой опоры нам представляется факт, отмеченный одним из крупнейших современных семитологов — Г. Р. Драйвером: „Аналогия из других языков, например латинское *fac* и *dic*, подсказывает, что кратчайшая возможная форма глагола привлекается для выражения команды; для этого ей придается отрывистый тон. В соответствии с этим естественно обнаружить, что семитская императивная форма в своем простейшем виде состоит из коренных согласных без всякого преформативного или афформативного элемента“, причем „на отрывистость команды указывает ... поспешное стремление (*hurrying*) к конечному слогу“.⁴

¹ Знаком у („дигрек“, читай *ü* или *y*) обозначаем узкий гласный, объединяя легко чередующиеся фонемы *i/u* (С. Brockelmann. *Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen*, Bd. I. Berlin, 1908, § 52a-e; An Introduction to the Comparative Grammar of the Semitic Languages, ed. by S. Moscati, Wiesbaden, 1964, § 8.96). Дефисом обозначаем места всех трех согласных фонем (составляющих корень). :: — знак противопоставления. Мы рассматриваем здесь лишь подлинный, исконный глагол — „глагол действия“ (поэтому не приводим вариантов огласовок, характерных для отыменных „глаголов состояния“).

² Например: Б. М. Гранде. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1963, ч. II, гл. 4 (*passim*).

³ Первый, естественно, ближе к нулю гласного, второй — к предельному полногласию. Следы этого отчетливы и в семитских языках (ср., например, одинаковое обозначение на письме **i/u* и нуля гласного в эфиопском языке); подробное обоснование этого, однако, вышло бы за рамки данной статьи.

⁴ G. R. Driver. *Problems of the Hebrew Verbal System*. Edinburgh, 1936, p. 32, ch. IV. Автор приводит в качестве примеров из аккадского *kušûd*, *piqid* и т. п. (первый гласный он называет „вспомогательным“). Как известно, односложность повелительного наклонения сохранилась в арабском языке (--*u/i*-); лишь в начале фразы грамматисты рекомендуют разрешать двусогласное начало предваряющим гласным ([*u*]-*u*-/[*i*]-*i*-; ср., однако, в передаче прямой речи: *qâla* „*hûrû!*“ „Он сказал: «Выйди!»“ и т. п.). В прочих семитских языках это начало разрешается вспомогательным вставным гласным, по возможности беглым и уподобленным основному по качеству.

Однако на этом названный автор останавливается, не делая попытки рассмотреть с этой позиции прочие случаи употребления той же самой („краткой“, „отрывистой“) основы, а именно при вхождении ее в одно из „спряжений“ (так наз. „префиксальное“).

Нам кажется, что и здесь основа сохраняет отмеченное Г. Р. Драйвером, вытекающее из ее отрывистости значение немедленности (временной непосредственности) исполнения или следования. Нужно только учитывать, что исходный момент, всегда необходимый для отсчета этой немедленности (быстроты), в разных случаях не может быть одним и тем же. А именно: в области настояще-будущего времени (включая как повелительное, так и прочие наклонения) этим исходным моментом, естественно, является сам момент речи, т. е. настоящий момент. В области же прошедшего времени такого неподвижного, заранее подразумеваемого момента, конечно, нет, и там за исходный момент может браться лишь какое-то предыдущее (упомянутое говорящим) положение или действие. Так, в русской фразе „Я тотчас (сейчас, скоро) выхожу/выйду“ за исходный момент отсчета немедленности (быстроты) исполнения наиболее естественно принимается момент речи, и это не нужно дополнительно уточнять; но фраза „Я тотчас (сейчас же, скоро) вышел“ непременно подразумевает предварительное указание на какой-то момент в прошлом, который и является исходным моментом отсчета, причем передаваемым с ходом повествования, рассказа.

Основным материалом, на котором мы постараемся подтвердить вышесказанное выше положение, послужит древнееврейский язык Библии. Среди памятников подавляющей по численности западносемитской ветви (охватывающей все семитские языки, кроме аккадского) Библия является древнейшим огласованным (сохранившим традицию огласовки) сборником, к тому же самых разных жанров.⁵ Гласный состав древнееврейских текстов будем давать в масоретской традиции, но — в соответствии с направлением работы — с учетом общепризнанных данных этимологии.⁶ Как известно, краткая, „отрывистая“ основа употребляется, кроме своего чистого вида, в составе так называемого „префиксального спряжения“ (включающего и ряд окончаний), а долгая, „размеренная“ основа — в составе „суффиксального спряжения“, что позволяет легко различать эти основы, несмотря на фонетические изменения (особенно в случаях „слабых“ корней, а также в усложненных глагольных „породах“).

I. Область настояще-будущего времени

а. Повелительное наклонение. Об особой связи повелительного наклонения с чистой формой отрывистой основы уже говорилось. Но следует уточнить, что это относится с полной неременностью лишь к единичному (отдельному) повелению или просьбе. Иное положение создается при выражении цепи повелений, просьб, где вторичные звенья, естественно, не могут содержать требования такой же немедленности (срочности). Рассмотрим разные типы такой цепи.

Особым является случай, когда звенья цепи не связаны союзом. Это бывает при цепи повелений „по ходу действия“ или же при от-

⁵ Библейские памятники оформлены в I, реже — во второй половине II тысячелетия до н. э. Угаритские тексты записаны во второй половине II тысячелетия до н. э., но не огласованы, и выделение в них указанных основ зависит от сравнения с другими языками; кроме того, в них не представлен разговорный язык (С. Сегерт. Угаритский язык. М., 1965, стр. 56—57 и 60. §§ 7.30—32.50).

⁶ Невытесняемые долгие („по происхождению“): $\hat{a}$, $\hat{o}$, $\hat{u}$, $\hat{e}$, $\hat{i}$; удлинившиеся („по положению“): a' , o' , e' ; обычные краткие: a , o , u , e , i ; вставные (облегчительные) краткие: $\hat{a}$, $\hat{o}$, $\hat{e}$, $\hat{i}$; сократившиеся в беглые: a^o , o^o , e^o ; вставные беглые опускаем.

даче особо срочных приказов, например военных команд. В этом случае целиком господствует повеление в форме „отрывистой основы“: „Встаньте (qûm | û), князья, мажьте (mîšh | û) щит!“ (Исайя 21 : 5).

Сложнее вопрос о цепи повелений, просьб, соединенных союзом w.../u 'и'. При одновременности действия, когда они, следовательно, мыслятся одинаково срочными, как в выражении „Слушай и смотри!“ (šîm' | î ... u | r' | î — Псалмы 45 : 11), также употребляется лишь отрывистая основа. То же может сохраняться, если действия тесно связаны в виде единого процесса или цикла: „Сейте и жните (zîr' | û w° | qîšr | û), и садите (w° | nîṭ' | û) виноградники“ (Исайя 37 : 306).

Если же нужно подчеркнуть промежуток во времени между исполнением повелений, просьб (что особенно необходимо в цепи с неравномерными промежутками), то после этого промежутка, снимающего требование срочности, употребляется уже противоположная, размеренная основа:

Отрывистая основа

„Иди, спустись (lek- ge'd),

„Тотчас, сын мой, послушай (šma') меня и встань, беги (w° | qûm brah) к Лавану, брату моему, в Харран,

„Препояшь (hgo'r) свои чресла, и возьми (w° | qaḥ) мой посох в руку, и поди (wa' | le:k) ; ...

Такая формула для цепи повелений, просьб характерна для всей Библии (см. также: Бытие 45 : 9; I Самуил 6 : 7, I Цари 2 : 31 и т. д.).

Иногда слово со значением 'потом', 'затем' (которое мы добавляли в переводе в скобках), означающее больший промежуток между действиями, стоит и в тексте оригинала; тогда союз перед глаголом выглядит формальным, стоящим не на месте:

„Подготовь (ha' | kên) ⁷ на улице работу свою, и предвари ее (w° | 'att°d | a'h) ⁸ себе в поле,

и [лишь] потом строй ('aḥar û | ba'ni | ta') свой дом“ (Притчи 24 : 27).⁹

Итак, в отличие от формы немедленности, срочности (отрывистая основа), форма несрочности (размеренная основа) может занимать лишь вторичное, замыкающее положение.¹⁰

^{7, 8} Основы усложненных глагольных пород, фактически ликвидирующих их „отрывистость“.

⁹ Киттелевское издание Библии подозревает какой-то пропуск в тексте. Ср., однако, русское „... тогда и строй...“ и т. п. Ср. ниже пример: Исход 16 : 6—7 (в изъяснительном наклонении).

¹⁰ Причем изредка даже не в глагольной цепи: „Я Рут (Руфь), раба твоя, и [потому] простри (û | ra'raš | tá') крыла твои над рабой твоей“ (Руфь 3 : 9), так как поставление повеления, просьбы на вторичное место уже само по себе говорит об отсутствии требования особой срочности.

Можно добавить, что когда-то, как видно из образцов архаической (и архаизованной) поэзии, союз w.../u 'и' не обязательно должен был стоять непосредственно перед глаголом размеренной основы в такой цепи (известные примеры — Псалмы 22:22, 31:6). Но в прозе, как мы видели, союз уже обратился в нечто вроде неперемennого префикса при этом глаголе (именно в связи с вторичным положением его).

Здесь уместно привести аналогию с русскими сверхкраткими (усеченными) формами повеления. Они требуют непременно (в еще большей степени, чем семитские краткие формы) немедленного исполнения: „Пли!“, „Гли!“ и т. д.; если же требование немедленности отпадает, они заменяются полногласными формами: „Подпусти врага и пали“, „Стой там и гляди“, „В следующий раз гляди в оба“, и т. п.

б. Пожелательное (требовательное) и изъявительное наклонения. Наклонение пожелательное, как известно, отличается от повелительного добавлением личных префиксов, в связи с чем получает полную систему спряжения. Во 2-м лице добавление префиксов фактически не меняет значения, с отрицаниями же вообще возможны только префиксальные формы.

Наклонение изъявительное некогда отличалось от пожелательного, видимо, добавлением конечной гласной флексии (в формах без окончаний); но на историческом этапе и она отпала, оставив некоторые следы лишь в небольшом числе глаголов „слабых“ корней. Что же касается выражения цепи действий, то оно и здесь остается тем же, что было описано выше. Более того, различные наклонения, если встречаются в одной фразе, дают единую цепь:

Отрывистая основа

„Встань (mo'd) у двери шатра,
если кто-либо придет (ja' | bô')“

Размеренная основа

и пусть будет так (w⁹ | ha' | jâ):
и спросит тебя (u | s⁹ | e' | le' k),
и скажет (w⁹ | a' mar): „Есть ли
здесь кто-нибудь?“, — то скажи
(w⁹ | a' mar | t): «Нет!» (Судии 4:20).

Абсолютно одинаковая трактовка наклонений в отношении такой цепи ярко выступает в изложении древних законоположений (например, Исход, главы 21—22).¹¹

Здесь пора напомнить, что понятие „будущее немедленное (непосредственное, ближайшее)“, выражаемое в большинстве языков одинаково с настоящим временем, является достоянием общей лингвистики.¹² Конечно, отделение этого „ближайшего“ будущего от более „отдаленного“ всегда весьма относительно. С этим и следует сопоставить построение указанной цепи глаголов (связанных союзами) в древнееврейском языке.¹³

Хотя построение этой цепи в изъявительном наклонении значительно формализовано (по сравнению с повелительным наклонением, где выражение немедленности живее сохраняет свое реальное значение), все же вполне осмысленный выбор форм сохраняется и здесь. А именно, если

¹¹ С какого-то времени, однако, намечается (в связи с отпадением конечной флексии) склонность к следующему различию цепей разных наклонений в звеньях после союза: пожелательного наклонения — к формам отрывистой основы (ввиду его большей близости к повелительному, которое особо связано с чистой отрывистой основой), а изъявительного наклонения — к формам размеренной основы.

¹² О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стр. 68.

¹³ Следует добавить, что как настоящее, так и ближайшее будущее в древнееврейском, кроме спряжения отрывистой основы („префиксальное“), нередко выражается также причастием.

несколько начальных действий одновременны (особенно в стилистических параллелизмах) и поэтому являются одинаково „ближайшим будущим“, они одинаково выражаются спряжением отрывистой основы (независимо от присутствия союза):

Отрывистая основа

„Ибо стыдно будет (je·|bôš|û) за рощи, которые вы любите, и посрамитесь (w^ota|hp^or|û) за сады, которые вы предпочитали...“

„Вот, все эти произнесут (ji|šša·|û) о нем притчу, насмешки и прибаутки насчет него, и скажут (w^ojô|mar): «Горе умножающему взятое у других... Вот, внезапно встанут (ja·|qûm|û) уязвляющие тебя, и воспрянут (w^oji|q^oš|û) устрашающие тебя;“

Если наречие времени ясно указывает, что действие произойдет еще не сейчас, отрывистая основа может быть заменена размеренною даже в качестве начального звена, но все же предваренного союзом (ставшим формально необходимым в этой форме): „И сказали Моисей и Аарон всем сынам Израиля: «Вечером — и узнаете вы (w|ida·|tem), что Яхвэ вывел вас из земли Египетской; а утром — и увидите вы (ur^o·|tem) славу Яхвэ“ (Исход 16: 6—7; ср. выше подобный пример Притчи 24: 27 в повелительном наклонении).

В древнейших же поэтических пророчествах эта разница между настоящим/ближайшим будущим и отдаленным будущим, видимо, сохраняется вне всякой формальной зависимости от союза, как видно на примере „Пророчества Валаама“ (Бильама):

Отрывистая основа

„...С вершины скал я вижу это, и с холмов взираю на это: Вот, народ отделинно живет (ji|ško·n)...“ (Числа 23: 9); „Вот, народ как лев встает (ja·|qûm), ... не ляжет (lô· |j|škab)“... и т. д. (там же, 23: 24).

Размеренная основа

...И [тогда] будет (w^o|ha·jâ) сильный подобен отрепью, а дело его — искре, и возгорятся (û|ba·^ar|û) оба вместе, и некому гасить“ (Исайя 1: 29—31).

и [тогда] ты будешь (w^o|ha·ji|ta·) им на разграбление“ (Аввакум 2: 6—7).¹⁴

Размеренная основа

„Я вижу это, но не теперь(!) взираю на это, но не близко(!): Взойдет (da·rak) звезда от Иакова, и восстанет (w^o|qâm < *qa?am) скипетр от Израиля; и поразит (û|ma·haš) края Моава, и сокрушит (w^o|qarqar) всех сынов Шета; и будет (w^o|ha·jâ) Эдом под властью, и будет (w^o|ha·jâ) под властью Сеир, враги его“¹⁵ (там же, 24: 17—18).

Последний способ, остаток которого мы находим только в предсказаниях, т. е. в речи о далеком, еще не обозримом для других будущем,

¹⁴ Позднее, однако, выбор форм после союза становится, видимо, произвольным (ср. позднейшую книгу Ветхого Завета — кн. Даниила, например, главу 11).

¹⁵ И далее, видимо: „А Израиль сотворит (‘a·šâ ·?) доблестное“, хотя масореты читают здесь причастную форму (‘ôše). Ниже текст считается испорченным.

как известно, получил специальное название „пророческих“ форм будущего.¹⁶

Кратко упомянем некоторые побочные, вторичные функции глагольной цепи, обычной для настоящего-будущего времени. Одной из функций форм настоящего времени в самых различных языках является обозначение постоянно повторяющихся действий („настоящее постоянное“), где в одной цепи могут быть действия как одно-, так и одновременные. В древнееврейском языке описанная цепь форм настоящего-будущего времени также выполняет эту побочную функцию, причем она без всякого изменения может означать постоянно повторяющиеся действия не только вне времени вообще, но и конкретно в области настоящего, будущего или прошедшего времени (ср. Бытие 2:6 и 10, а также 29:2—3 [ki etc] и др.).¹⁷ Формы, характерные для выражения будущего, постоянны и после частиц *l'má'an* 'чтобы', *rep* и др. 'чтобы не', так как еще не сбывшееся естественно ассоциируется с будущим (Бытие 3:226 и др.). То же после частицы *ṭémet* 'еще (пока) не' в любом контексте: как в пророчестве (Иеремия 13:16), так и в повествовании о прошлых событиях (судя по первому звену цепи: цепь из нескольких глаголов здесь не засвидетельствована). Изредка отмечаются, как и в прочих языках, и другие случаи „будущего в прошедшем“ (II Цари 3:27, *j|ml'o'k*), а также стилистический перенос форм настоящего времени в прошлое для оживления рисуемой картины (I Самуил 1:13а, Иов 4:15—16 и т. п.).

II. Область прошедшего времени

Как уже говорилось, в области прошедшего времени быстрота, немедленность исполнения действия могут определяться лишь в отношении какого-либо предыдущего, указанного говорящим действия или положения.

Видимо, наиболее живой пример передачи этой быстроты, немедленности исполнения формой отрывистой основы мы находим в эпизоде Яаила и Сисары из „Песни Деворы“, которая, согласно распространенному мнению, считается древнейшим (по времени окончательного оформления) памятником библейского канона.

Размеренная основа

Отрывистая основа

„Воды просил он (*ša'al*) — молока подала (*na'ta'n|a'*), в чаше вельможеской поднесла (*hiqrib|a'*) сливок.

[Вдруг] руку к колу простерла (*ti|šláh|na'*), и десницу — к рабочему молоту!

— и ударила (*w^o|ha'l^om|a'*) Сисару...“, [и далее та же основа (*ma'h^aq|a'* ... *ú|ma'h^aš|a'* ... *w^o|ha'l^op|a'* ... *ka'ra' na'pal ša'ka'b* ... *ka'ra' na'pa'l* ... *ka'ra'* ... *na'pal*)] — Судии 5:25—27].

Здесь форма отрывистой основы выражает момент внезапности (полный поворот — от гостеприимства к убийству), резкого убыстрения хода

¹⁶ Впрочем, некоторые из таких случаев могут быть поняты как прошедшее время (описание уже бывшего пророку видения), но в данном примере это и формально невозможно.

¹⁷ Поэтому неточно мнение, будто с передачей повторности связано именно „префиксальное спряжение“: это может относиться лишь к звену без союза, после союза идет „спряжение суффиксальное“.

событий и может быть сравнена с русскими формами эмоциональной речи, где передача внезапности и быстроты также сопровождается отрывистой интонацией: ≈ „[Вдруг] как схватит!“, „хватя!“. Необычный (архаичный?) суффикс или окончание еврейской формы, возможно, также указывает на энергичность действия (так наз. „п энергическое“). Видимо, для контраста все остальные глаголы в эпизоде (числом 14!) стоят в формах размеренной основы (как без союза, так и с союзом). Трудно с уверенностью сказать, объясняется ли эта уникальная конструкция текста только его древностью или также особенностями жанра эмоциональной победной песни.¹⁸

В остальных библейских текстах (особенно в прозе) употребление формы (спряжения) отрывистой основы освобождено от эмоциональной оценки, формализовано и служит выражением чисто грамматической немедленности (непосредственности) следования за предыдущим действием или положением в составе одного эпизода. Как известно, формы спряжения отрывистой основы в прошедшем времени называются именно „консекутивными“, т. е. передающими последовательность. Здесь формула цепи такова: первый глагол или глаголы, выражающие исходное положение эпизода (или особенно отдельного произведения), стоят в форме от основы размеренной, последующие же глаголы после союза w... 'и', если он указывает на развитие действия во времени, поставлены в форме от основы отрывистой (союз приобретает при этом особый вид — wa- с удвоенным согласным звука префикса — и также называется „консекутивным“).¹⁹ Эта цепь естественно прерывается тогда, когда нарушается последовательность событий, например при возврате к более давним событиям („предпрошедшее“). Вот тот же эпизод Йаили и Сисары в более позднем, прозаическом изложении:

Размеренная основа

„А Сисара убежал (nās < *naʔas) пеший в шатер Йаили...“

Отрывистая основа

и сказал (wajjōl'mer) ей: «Напои меня...». И открыла она (wattij-ptah) мех с молоком, и напоила его (wattašqē|hū) ... И схватила (wattiqqaḥ) Йаиль, жена Хэвэрова, кол от шатра, и взяла (watta'sem) молот в руку, и подошла (watta'bdō) к нему потихоньку, и ударила (wattitqa') его...“

— а он [в то время] задремал (wōhū' nirdam)²⁰ —

и обессилел он (ʔ-wajja'ap),^{20a} и умер (wajja'mot)“ (Судии 4: 17—21).

¹⁸ Ср. слова С. Р. Драйвера (S. R. Driver. A Treatise on the Use of the Tenses in Hebrew. Oxford, 1892, p. 31, § 27, Ia) о передаче момента „простирания руки“: „Эта идиома — одна из тех, которые наш язык не способен воспроизвести; изучающий должен чувствовать силу“ этой формы; Драйвер отмечает эту „силу“ знаком '!' в переводе. Данный автор привлекает и другие примеры из языка библейской поэзии, но уже не столь уникальные по форме и смыслу (опущение союза — см. ниже; „настоящее в прошедшем“, см. выше — последнюю фразу в разделе I).

¹⁹ Понятие „консекутивности“ в еврейской грамматике зародилось именно в области прошедшего времени, и связь ее с „конверсией“ (переходом на противоположную основу после союза, иногда и без него) безусловна лишь здесь (при цепи однократных действий). В настояще-будущем, как мы видели, последовательность действий далеко не достаточна для „конверсии“ (особенно в цепи повелений).

^{20-20a} Так согласно масоретской огласовке (вариант); однако эти две формы можно огласовать и как причастные с переводом „дремлет, усталый“ (nirdam wōja'e'p, √J'P = 'JP).

Здесь цепь кончается ввиду начала нового эпизода: „И вот, Барак гонится за Сисарой...“ (в данном случае сказуемое выражено причастной формой).

Впрочем, язык выработал связующую формулу „... И было (wajj^o|hî) после этого“ или т. п., при помощи которой можно было не прерывать консективной цепи и при переходе к следующему эпизоду: „... И было (wajj^o|hî) после этого, и подняла (wattî|šša[’]) жена его господина глаза на Иосифа, и сказала (wattô|’mer)...“ (Бытие 39:7). Но если новый эпизод более оторван от предыдущего, особенно при полной смене действующих лиц, цепь может все же начинаться заново:

Размеренная основа

„Согрешили (ḥa’ṭ^o|û) виночерпий царя египетского и хлебодар,...

Отрывистая основа

„И было (wajj^o|hî) после этого:

и разгневался (wajjî|qšo’p) фараон, и отдал (wajjî|tte’n) их под стражу“... и т. д. (Бытие 40:1, начало главы: ср. 22:1, 27:1 и др.).

Таким образом, форма спряжения отрывистой основы после союза wa- („консективное повествование“) передает не просто последовательность, а преимущественно тесное, немедленное (непосредственное) следование в пределах одного эпизода (хотя, конечно, граница „тесного“ и „менее тесного“ следования весьма условна).

Как мы видим, „консективные“ формы, естественно, по самой своей сути связаны с передающим последовательность союзом, но морфологически они первоначально от него не зависели, что засвидетельствовано во множестве примеров, сохранных более архаической поэзией. А именно, эти формы не страдали от стилистического опущения союза: „Ты простер (na’ṭî|ta’) десницу Твою — поглотила их (ti|bla[’]|e’mô) земля“ (Исход 15:12, „Песнь Моисея“), или ввиду его отделения от глагола вследствие порядка слов: „... И дрогнула (wattî|g’aš), и потряслась (wattî|r’aš) земля, и (û) основания гор поколебались (ji|rga’z|û [!])...“ (Псалом 18:8 ≈ II Самуил 22:8, и другие стихи этой „Песни Давида“). Однако в прозе, как известно, этот союз (в форме wa-) стал обязательным морфологическим компонентом „консективной“ формы (и при невозможности снабдить им глагол из-за порядка слов описанная цепь должна прерваться, хотя практически это случается редко).²¹

Впрочем, и в прозе роль союза может играть также частица ‘a’z ‘тогда’, ‘тут’, после которой может следовать спряжение любой из обеих основ (ср. I Цари 9:24 и 11:7 и т. д.).

Как известно, отрывистая основа в составе „консективной“ формы наиболее хорошо (для данного языка) сохраняет свою краткость и, по общему признанию, никогда не имела добавочной конечной флексии. Поэтому она как после союза wa-, так и при его опущении (Второзаконие 32:86), а также после частицы ‘a’z (Судии 5:13 дважды [?]; I Цари 8:1 ≈ II Хроники 5:2) склонна к так называемому „усечению“ (аналогично повелительному и пожелательному наклонениям или даже более).

Склонность „консективной“ формы повествования к передаче не любого, а преимущественно быстрого следования, быстрой смены действий видна и в том, что при передаче действий постоянно повторных

²¹ С полной неизбежностью союз отделяется от глагола только отрицанием, но в этом случае последовательность и не имеет значения, так как действия вообще нет.

эта форма не употребляется, кроме эпизодических исключений. Здесь господствует спряжение противоположной, размеренной основы: „А Израиль любил (*a'hab*) Иосифа... и делал (*w^o|a'sâ*) ему разноцветную одежду“ (Бытие 37:3; ср. Исход 36:1, тот же глагол); „Пастухом был (*ha'jâ*) раб твой у своего отца при овцах, и [бывало] приходил (*û|bâ*) лев или медведь, и уносил (*w^o|na'sa'*) овцу из стада; а я выходил (*w^o|ja'sa'*) [ti] за ним...“ и т. д. (I Самуил 17:34—35).²² Видимо, позднее вошла в употребление „всевременная“ формула (цепь) так называемого „настоящего постоянного“ времени;²³ причем оба способа совпадают в отношении звеньев после союза, что, вероятно, способствовало их сосуществованию.

Не будем подробно останавливаться на том факте, что употребление спряжений обеих основ в древнееврейском отражает положение в древних западносемитских языках (как северной, так и южной групп). Известно, что рассмотренные глагольные цепи с „конверсией“ (переходом на противоположное спряжение) отмечены достаточно широко — от крайнего севера (угаритские тексты) до крайнего юга (южноаравийские надписи).²⁴ Сходно и дальнейшее развитие системы в языках этих групп (что уже выходит за рамки данной статьи).²⁵

Что касается стоящего особняком аккадского языка,²⁶ то в нем глагольные цепи с „конверсией“ отсутствуют, но в остальном можно наблюдать весьма сходные проявления описанной выше символики и аналогичные процессы развития. Наибольшие морфологические отклонения существуют здесь в „префиксальном спряжении“, где наряду с отрывистой основой в кратчайшем ее виде существует расширенная (путем изменения внутренней флексии с удвоением среднего коренного), но и эти разновидности (сходные, между прочим, с таковыми в эфиопском и живых южноаравийских диалектах) имеют весьма точные функциональные соответствия упомянутым „усеченной“ и „удлиненной“ (путем добавления конечной флексии) разновидностям в западносемитских языках. Как и там, в области настоящего-будущего времени первая играет роль пожелательного наклонения, а вторая — изъявительного²⁷ (включая и частный случай настоящего постоянно-повторного, употребляемого также „всеременно“).²⁸ В области же прошедшего времени (для

²² Здесь в длинную цепь из 10 глаголов вклинивается лишь одна „консеквативная“ форма: „... и [тут] он бросался (*wajja' |qom < *wajja |qim*) на меня!“. Возможно, здесь пересиливает присущая отрывистой основе функция передачи внезапности в эмоциональной речи: ≈ „как... брсьится!“ (ср. выше, о Песне Деворы).

²³ См. выше, последний абзац раздела I с прим. 17.

²⁴ О трудностях исследования этих источников см. выше (прим. 5). Так, в настоящее-будущем времени в связи с отсутствием жанра пророчества такая цепь достоверно известна лишь для повелительного и желательного наклонений. В прошедшем времени соответствующая цепь известна лучше (и еще шире по языкам, включая древнеарамейские и другие надписи), но ее смысловая нагрузка считается в угаритском достоверно не установленной (С. Сегерт. Угаритский язык. М., 1955, стр. 59—62, §§ 7. 50, 59—61; Г. М. Бауэр. Язык южноаравийской письменности. М., 1966, стр. 70 [пункт а], 77).

²⁵ Основным является то, что начальное звено каждой цепи вытесняет вторичные звенья (в еврейском это побиблейский период. Ср. арамейский [см. прим. 24], арабский, эфиопский).

²⁶ Мы склоняемся к распространенному мнению о сравнительно слабой сохранности прасемитской глагольной системы в аккадском (см. особенно многочисленные работы Ф. Рундгрена — F. Rundgren).

²⁷ Ср., кроме того, прим. 11.

²⁸ Ср. выше последний абзац раздела I. Интересно также мнение, что эти две разновидности в аккадском некогда вообще выражали соответственно моментальное и длительное действия (W. von Soden. Grundriss der Akkadischen Grammatik.

однократных действий) „префиксальное спряжение“ и там, и здесь употребляется в первой (кратчайшей) разновидности, причем и в аккадском она (с добавлением формы с инфиксом -t-, ср. VIII „породу“ в арабском) склонна к передаче развивающихся событий, в то время как „суффиксальное спряжение“, имеющее измененную размеренную основу,²⁹ передает так называемый статив, или пермансив, выражающий, как гласят сами его названия, постоянные действия или положения.

Итак, имеющееся во всех семитских языках противопоставление отрывистой (краткой) и размеренной (долгой) основ (первичной глагольной „породы“) сохраняет в древний период их естественное символическое значение. Конкретно это отразилось (по крайней мере в западных, т. е. всех, кроме аккадского, семитских языках) в передаче соответственно действий немедленных, с одной стороны, и лишенных этого качества, — с другой. Определение немедленности требует исходного момента для ее отсчета, который не может быть одинаковым в различных временах. Естественно, в *настояще-будущем* времени (всех наклонений) этим моментом является сам момент речи, а в прошедшем — любой упомянутый говорящим и потому подвижный по ходу речи предыдущий момент. Именно такое положение наблюдается в еврейском языке Библии. Здесь спряжение отрывистой основы, включая наиболее яркие случаи — срочные приказ, просьбу и форму внезапности в рассказе — выражает: I. В *настояще-будущем* — так называемое „немедленное (непосредственное, ближайшее) будущее“ (считая с настоящего момента). II. В прошедшем — немедленное (непосредственное) следование („консекутивное“ повествование). Спряжение размеренной основы употребляется в противоположных этим случаях. Союз (w...u) вначале только естественно сопутствует этой системе (язык поэзии), но затем становится как бы префиксом ряда форм, определенно ее формализуя (язык прозы).

Время	Характер речения	Функция форм отрывистой основы [(...)-y-]	Функция форм размеренной основы [-a-(a...)]
I (Настояще-будущее)	Повеление/просьба, пожелание, предсказание, указание на цель и т. п.	Немедленное (быстрое) исполнение (настоящее/„немедленное будущее“)	Сравнительно отдаленное исполнение
(“Настоящее [> всевременное] постоянно-повторное“ подражает тому же)			
II Прошедшее	Повествование, рассказ, констатация факта	Немедленное (быстрое) следование (особенно внутри эпизода), включая внезапность	Отсутствие (тесного) следования (ряд случаев); постоянно-повторное действие

Установленное с помощью обращения к естественной символике противопоставление обеих спрягаемых основ как выражающих *немедлен-*

Roma, 1952, SS. 102—103, §§ 78—79; Л. А. Липин. Аккадский язык. М., 1964, стр. 94; возможно, это вторичное приложение общих принципов символики краткого—долгого.

²⁹ В форме -a-a*/â... (>-a-î/-a--â...; ср.: G. R. Driver. Problems... р. 45), потерявшей отличие от формы спрягаемых имен.

ность :: отсутствие ее кажется нам заслуживающим внимания еще и потому, что (насколько нам известно) оно наиболее сжато, при помощи единого общего правила объясняет все случаи их употребления на реальной, письменно засвидетельствованной стадии древнего семитического языка.

A. M. Gazov-Ginzberg

THE SYMBOLISM OF THE SHORT AND LONG BASES OF „ASPECTS“ IN SEMITIC

We treat here the well known pair of patterns: „-y-“ and „-a-a(a)“ (so fixed in the I. [simple] stem of the verb of action [„true verb“], of regular roots).

The symbolism of the short, abrupt base as a word—the imperative form—is the most evident (G. R. Driver). We dare say, that the same symbolism of temporal immediacy is present in this base in all its functions (the „prefix-conjugation“). But there must be an initial temporal moment, necessary for measuring off the immediacy, which (the moment) is naturally different in different tenses: 1. in the present-future (including the imperative) it is the moment of the speech, 2. in the past it is any preceding moment (action or state) mentioned by the speaker.

This system is reflected well in the Biblical Hebrew, where the short (abrupt) base signifies: 1. in the present-future (including the imperative)—a kind of so-called „immediate (proximate) future“ (leading off with the present moment), 2. in the past—the immediate consequence („consecutive narration“).

The long, monotonous base (it is present in the „suffix-conjugation“) has the opposite functions.

The conjunction w/u „and“ naturally accompanies this system (in the most archaic [poetic] language), only later becoming a kind of morpheme in certain verbal forms.
